

А душа стремится в землю богов

Вот и поставлена финальная точка Первого международного театрального фестиваля имени А. П. Чехова. Но, как уже упоминалось, в его первоначальные торжествующие аккорды вплелись где-то на середине ноты горечи и тревоги. Так и не вняв голосу разума и сердечной дружбы, театры Грузии не сочли возможным принять участие в фестивале. А вслед за этим пришло сообщение, что не может вылететь из охваченного огнем междоусобиц Таджикистана. Экспериментальный ТЮЗ «Ахорун» со своим спектаклем «Иосиф потерянный вновь вернется в Ханаан...». В эти же дни выяснилось, что не приедет и Театр молодежи Литвы — не готов спектакль. (Дай Бог, чтобы это действительно было так, а не скрытые политические мотивы, разрывающие по живому кровные узы нашего когда-то единого многонационального искусства).

И вдруг, когда, казалось, все надежды угасли, внезапно радостное известие: душанбинцы в ночь на 22 октября прилетели на военном самолете. Что ни говори, какие бы обвинения нашей армии ни предъявляли всякого рода воинствующие националисты и сепаратисты, а только на нее и надежда в самых критических ситуациях, в безвыходных положениях. И потерянный было Иосиф все-таки оказался в Ханаане, то бишь в Москве, на сцене Театра имени Евг. Вахтангова вечером того же дня.

Вход на спектакль объявили свободным, потому что не оставалось уже времени на какую бы то ни было информацию. Но тем горячее был его зрительский прием. Зал устроил актерам бурную овацию. За их гражданскую позицию, за мужество, за верность святым узам театрального братства. А взволнованный Фаррух Касымов, художественный руководитель «Ахоруна» и постановщик спектакля, с предательски блестящими глазами, по-восточному прикладывая руки к груди, благодарил всех присутствующих и приглашал на региональный фестиваль «Навруз», потому что «мир обязательно наступит, а пространство искусства неделимо».

«Иосиф потерянный» шел на таджикском языке. Но сочиненная Ф. Касымовым пьеса на основе мусульманского аналога библейской притчи об Иосифе прекрасном (по-мусульмански — Юсуфе) и его братьях

звучала со сцены такой дивной музыкой стихов великих поэтов Востока и была исполнена такой гармонией, что казалась понятной и без перевода. Ритмика стиха определяла пластику движения актеров, переливаясь в пение хора, экзотическую ритуальную пляску. Вечная тема борьбы добра и зла, светлых и темных сил в душе человека обретала в спектакле широту вселенского масштаба и конкретность одной человеческой жизни.

«Ахорун» назвал свой молодой экспериментальный театр Ф. Касымов. В переводе с древнесогдийского это означает «Город Богов» — местность, на которой расположен Душанбе. И спектакль об Иосифе, который не может не вернуться в свой Ханаан, как нельзя яснее выражал программу театра — возвращение к истокам, народным корням своей древней, великой культуры.

Всего на год старше «Ахоруна» созданный в 1988 году тоже экспериментальный молодежный туркменский театр «Джан», руководимый Какаджаном Ашировым. «Джан» означает «душа». Душу народа, все то доброе, что заложено в ней от природы, ставит целью возродить, развить своим искусством театр. У двух молодых коллективов удивительно схожие благородные цели. И спектакли их, при всем различии постановочных решений, средств художественной выразительности, внутренне близки. Режиссер К. Аширов тоже сам написал драматическую притчу «Дэли Домрулу» по мотивам туркменского эпоса «Горкутата», сочетая прекрасную наивность и непосредственность фольклора с мудростью и глубиной философского осмысления человеческого бытия. Здесь те же мотивы противостояния темных и светлых сил, только решенные не в трагическом ключе, а с лукавым народным юмором. Да и сама форма спектакля в спектакле, предложенная режиссером, предопределяет зрительское восприятие происходящего, как игру. Красочные костюмы, интерьер богатой юрты (сценография Бяшима Гараджаева) придают спектаклю мажорный, праздничный настрой. И остается только поражаться тупоумию и зашоренности тех власть предержащих, что запрещали десятками лет этот туркменский эпос, как явление реакционное, а следовательно «вредное» для народа.

А народ жаждет познать свои корни, он с наслаждением погружается в седую старину, черпая в ней неиссякаемую мудрость, только не всегда, увы, прислушиваясь к ее урокам.

Так «Персы» Эсхила — эта древнейшая из дошедших до нас трагедий в постановке Теодороса Терзопулоса, режиссера с мировым именем, вдруг оказалась необыкновенно сродни и «Дэли Домрулу» и «Иосифу потерянному».

В руководимым им афинском Атти театре Т. Терзопулос воссоздает древнегреческий эпос во всей его чистой и наивной непосредственности. Никаких психологических тонкостей — открытые, доходящие до предельного накала, до конвульсий страсти, с быющимися на земле телами, со срывающимися на крик, на хрип голосами. Ритмика звучащего слова, ритмика движения тел определяют динамику спектакля. Но, разумеется, не только ради возрождения античной формы представления Терзопулос ставил своих «Персов». Его спектакль — предупреждение, напоминание всем тем, кто огнем и мечом стремится через порабощение себе подобных достичь абсолютной власти.

...Никто и никак заранее не выстраивал программу фестиваля. Она сложилась сама собой из предложенных странами-участницами спектаклей. И тут оказалось, что они каким-то непостижимым путем сгруппировались по художественным, тематическим, чисто эстетическим принципам. Три спектакля — туркменский, таджикский и греческий — по замыслу и форме — возвращение к истокам своих национальных культур, по сверхзадаче — спектакли - предупреждения.

Спектаклями одного актера я бы назвала три других: уже упоминавшийся ранее украинский «Тевье-Тевель» Киевского театра имени И. Франко с бесспорно солирующим в нем потрясающим Богданом Ступкой — Тевье; тоже украинский, из Львова, спектакль «Ложь» по пьесе В. Винниченко с Ларисой Кадыровой в главной роли; ереванский «Доктор Стокман» Г. Ибсена с Хореном Абрамяном (постановщиком спектакля и его главным героем одновременно).

На протяжении десятилетий драматургии В. Винниченко был закрыт доступ на советскую сцену. Автор числился по-прежнему «не рекомендуемых» за

якобы реакционное мировоззрение, «гривуазность» тематики, принадлежность к так называемой «арцыбашевщине». Спектакль Львовского театра имени М. Заньковецкой (режиссер - постановщик А. Бабенко) по сути открыл для нас незнаномого и, как оказалось, абсолютно «безвредного» автора.

В изящном, но несколько мрачноватом интерьере полугостиной, полубудуара (художник Л. Боярская) Л. Кадырова очень искренне и непосредственно, с какой-то обескураживающей открытостью поведала нам историю своей Натальи Павловны, мятущейся между мужем, любовником и шантажирующим ее компаньоном мужа. Как мотылек-однодневка, легко и беззаботно летит она на смертельный огонь, который неминуемо опалит ее хрупкие крылья и, как тот же мотылек, она примет смерть, не дав себе времени задуматься об ином исходе. Актриса бесспорно «купается» в роли. Но если уж говорить по-честному, спектакль львовского театра, при всех своих очевидных достоинствах, не то чтобы ниже, а просто иного уровня, масштаба, нежели весь фестиваль в целом.

Зато на вселенский масштаб претендует как постановка, так и исполнение роли Стокмана Х. Абрамяном. Спектакль действительно впечатляет своей грандиозностью и философичностью замысла — этакий феллиниевский «Амаркорд». И можно понять восторг норвежской публики и прессы, не ожидавших увидеть в Ибсене такого накала политических страстей. Но для нас-то, политизированных до предела, свидетелей экологических катастроф почище стокимановской драмы, иступленность героя Х. Абрамяна в какой-то степени уже пройденный этап. К сожалению, публицистичность, как доминанта спектакля, ощутило схематизировала и всех других персонажей, ставших лишь фоном для центрального героя.

В особой группе три чисто чеховских спектакля, три «Вишневых сада». Видно, подошло время этой пьесы. Слишком безжалостно вырубали мы направо и налево свои цветущие вишневые сады, не задумываясь о последствиях. Настало время раздумий.

«Вишневый сад» П. Штайна шел в открытие фестиваля, «Сады» из Праги и Бухареста ста-

ли его заключительными показами.

Спектакль Отомара Крейчи несколько разочаровал и озадачил. Может быть, мы слишком много ждали от прославленного режиссера? Да и то сказать: если в пятый раз ставишь одну и ту же пьесу, вряд ли может произойти большое открытие. Скорее по частностям: резкость, даже грубость и злость Раневской (М. Томашова), ее внешность и манеры простолюдники — такое, пожалуй, мы действительно увидели впервые.

А открытие произошло, как и положено в сказке с хорошим концом (разве же весь фестиваль, при всех его издержках, не фантастика, сказка посреди нашего всеобщего бедлама и разрухи?!), на спектакле Румынского национального театра. Андрей Щерба поставил «Вишневый сад», как комедию. Настоящую комедию. Сочинил очень динамичный, задорный спектакль, с веселой иронией подметив в характерах героев перспективу их дальнейшей судьбы и судьбы имения. Белую кипень цветущих вишен первого акта сметит сначала россыпь домиков на дачных участках, потом часток фабричных труб в окружении домов-коробок (сценография Михая Мэдеску).

Спектакль отнюдь не беспорен, но он свеж и интересен по мысли, отличается большим количеством ярких актерских работ. Тоже, кстати, отнюдь не беспоренных. Притом никакого насилия над автором режиссер не допускает. Он только чуть больше акцентирует комичность ситуации, эксцентричность характера. На сцене царит атмосфера творческой радости. Это чутко ощущает и с благодарностью принимает зал.

...Почти месяц на разных площадках Москвы звучала разная речь. Даже при отсутствии перевода зал понимал ее почти дословно. Язык искусства — язык сердца. Сердца на фестивале билось в унисон. Даже на дискуссиях, при творческих разногласиях. Конечно, фестиваль при нынешней нашей нищете — роскошь баснословная. Но прежде всего — это роскошь духа, что важнее денежных, купюр. А во-вторых, его расходы шли не из государственного кармана. Спасибо всем, кто помог ему состояться.

Фестиваль окончен. Да здравствует фестиваль!

Н. БАЛАШОВА.

по снованиям правды
31. 10. 92г